

ТОСКРИ ПЫ-ВАЕТ на ветру уцелевшая половица двери, ведущая в центральн ый проход партера. Через огромную пробоину в потолке пустого, холодного зрительного зала видно небо — грозное небо военных лет, с отсветами пожаров и гулом орудийных выстрелов.

Воронеж только что освобожден нашими войсками, и где-то на его окраинах еще идет бой. Но бомба, сброшенная фашистским летчиком, упала на здание театра задолго до этого. Актеры не уезжали еще в эвакуацию на Урал. Не были еще организованы фронтовые бригады, базировавшиеся в селе Анна и в Борисоглебске. Все это — впереди. А тогда, в ночь с 27 на 28 июня 1942 года, притихший, затемненный город, как и много ночей до того, только ждал невероятного. Воздухная тревога, которую лишь будоражившая нерв, на этот раз закончилась массированным налетом вражеской авиации. Десятки разрушенных домов, множество убитых и раненых... От разрыва бомбы, попавшей в здание театра, погиб актер Николай Ефимович Озеров, честно выполнивший свои обязанности «начальника объекта». Еще накануне вечером Озеров выступал в трагедии В. А. Соловьева «Фельдмаршал Кутузов». Выступал ярко и интересно, как, впрочем, и многие другие актеры.

Патриотическая тема в те июньские дни сорок второго года обрела отнюдь не отвлеченно-исторический, а совершенно конкретный, со-временный, сегодняшний смысл. Исполненные патетики монологии о родине не требовали от исполнителей особого перевоплощения — ут-рения сводки Информбюро определяла не только настроение на день, но едва ли не все мироощущение. По-лития, еще недавно казавшиеся чересчур высокими, чтобы лично затрагивать того или иного человека, входили в жизнь народа и каждого его представителя в отдельности. И потому с такой отдачей душевных сил шел этот спектакль. Никого не обманывали пышные мундиры начала прошлого столетия. Под витым шнуром аксельбанта билось сердце нашего современника. И когда умудренный талантом военачальника и долгой жизнью гражданина, Кутузов говорил о неизбежности победы, когда пылкий Деигис Давыдов врал в бой, не болел поражения и не сомневался в конечном успехе, — все это было обращено в настоящее, за всем этим стояли надежды, без которых невозможна была сама жизнь.

Гражданский пафос, публицистическая направленность выявлялись не только в талантливой игре актеров, прежде всего Флоринского, исполнившего роль Кутузова и Чернова — Давыдова, но и в общем решении, найденном режиссером В. М. Энгелькропом и художником В. Я. Герасименко. Многие мизансцены отличались четкостью рисунка и несли в себе художественный образ. Эпизод, в котором Наполеон и его свита, вытянутая в ряд, словно траурная лента, перехватывали собою сцену, сильнее многих слов говорил о смертельной опасности, нависшей над родиной, о необходимости жестокой, немумоливой борьбы.

Работа над пьесой В. Соловьева началась в осенние месяцы сорок первого года. Фронт тогда близился к городу, обстановка день ото дня становилась тревожней. В середине ноября было принято решение об эвакуации театра. В пути настиг приказ Комитета по делам искусства — остановиться в Сызрани. Больше месяца длились короткие переезды, сменявшиеся бесконечными стоянками. Незаключенный город показался уютным. Даже Волга не радовала — колочный ветер с ее берегов заставлял лишь ту же замата-зывать платки и шарфы да

с особой горечью вспоминать покинутые края.

Через восемь дней, 3 января 1942 года, показали первый спектакль — афиногеновскую «Машеньку». Кроме «Машеньки», шел еще «Овод», поставленный незадолго перед эвакуацией. А уже здесь, в Сызрани, была осуществлена новая сценическая редакция пьесы А. Толстого «Путь к победе».

Жили в железнодорожных вагонах, но это скоро переставало огорчать — так чувствовали себя ближе к дому. Наступление под Москвой резко меняло положение, и мечта о возвращении в Воронеж, недавно еще казавшаяся почти несбыточной, всколыхнула всех и все подчинила себе.

Шестнадцатого февраля, проведя около трех месяцев на колесах, театр возвратился в свой город. В день Красной Армии — первая встреча с воронежскими зрителями. Снова начались трудные будни войны — если театр и не был тогда в «квадрате обстрела», то в любой момент мог оказаться в нем. Воронеж стал крупным военным центром. Здесь находился штаб Юго-Западного фронта. Сюда приходили на перестройку воинские части. Люди в костюмах защитного цвета переполняли город. И тем из них, кто побывал на спектакле «Фельдмаршал Кутузов», казалось, что голос искусства сливался с голосом их души. Как завещание предков, которое всем надлежало выполнять, звучали слова раненого Багратиона (его роль исполнял артист А. Пальмин):

Солдаты! Мы сражались вместе, Мы сотни верст прошли в пороховом дыму. Отдайте жизни! Но родины и чести

Не отдавайте никому! «Фельдмаршал Кутузов» — наиболее значительная, но отнюдь не первая попытка театра стать вровень со своим зрителем, жизнь которого круто повернулась. Начало было положено спектаклем, естественно и прямо вступившим в военную пору из тревожных предвоенных дней.

В воскресенье, 22 июня, в театре был обычный рабочий день. Вечером должен был идти «Поручик Лермонтов» К. Паустовского, а с утра одна часть труппы выступала в Семилуках, другая в репетиционном зале на третьем этаже готовила эпизод, во многом определявший эмоциональный строй спектакля «Парень из нашего города» К. Симонова. В. Г. Рощина, которую любили в городе, главным образом, за исполнение комедийных ролей в классических пьесах, с настоящим драматизмом передавала теперь глубинную переживаемую своей современницей. Ее героиня Варя (как и она сама — актриса) перед самым выходом на сцену узнает о гибели брата, воина-раба...

Но прошло несколько минут, и то, что было создано фантазией драматурга, обрело вполне реальный, житейский смысл. Уже прозвучала по радио режь Молотова, и едва ли не каждый актер в близком будущем мог ждать трагических известий от своих близких. Но, как и Варя, он должен был оставаться на месте, выходить на сцену и силой своего таланта крепить в людях мужество, веру, высоту чувств.

Премьера состоялась в июле, в Летнем театре Первомайского сада. Зрительный зал не был полон. В эти первые дни город жил лишь войной — ни на что другое не хватало душевных сил. Но прошло какое-то время, и снова вспыхнул интерес к театру. В искусстве искали не только забвения от ужасов, которыми полна была жизнь, от него ждали поддержки в борьбе и вдохновения, и суровой правды, и глубоких раздумий о судьбе народной.

Пьеса К. Симонова с ее романтической, приподнятою и такой волнующей обыкновенностью главного героя, как будто нарочно была поставлена для этих военных месяцев сорок перво-

го года. Папов — Лукин всем своим обликом, каждым жестом, каждой репликой убеждал парней своего города, что родина ждет от них подвига, и они способны совершить его... Жизнь в тылу Воронеж же той самой начальной военной поры, казалось, мало чем отличалась от довоенной. Не родились еще новые песни, и люди, что старательно маршировали под командой подтянутых юношей с кубиками в петлицах гимнастерок, распевали «Если завтра война, если завтра в поход» и «Катюшу». И одеты все были не в шинели и ватники, а в пиджак, под которыми виднелись сорочки с галстуками, модные тогда рубашки-апаши и вышитые косоворотки, а вместо ушанок или фуражек — кепи с большими козырьками и рабочие картузы. Почти так же выглядели герои современных пьес — А. Афиногена, Б. Рзаимова, В. Шкваркина, В. Гусева, что ставились незадолго перед этим.

Но люди меняли одежду и становились солдатами. Они покидали свой город, а

место них приходили другие люди из других городов, которые тоже были солдатами. И всем им, почти так же, как оружие, нужны были слова поддержки и напутствия, слова, обращенные не только к разуму, но и к сердцу.

С середины июня сорок второго года жизнь в городе резко изменилась.

К третьему июля стало ясно, что город не удержат. Побросав все, люди уходили. Одни устремлялись к вокзалу в надежде попасть на поезд. Другие, группами и в одиночку, с дальних и ближних улиц тянулись к Петровскому спуску. Ближе к Чернавскому мосту они образовывали уже густую толпу, но, перелезав через него, вновь распадались на кучки и вдоль обочин, уступая дорогу машинам и телегам, брели на Анну и Борисоглебск.

Один из последних эшелонов, покидавших город к концу дня 4 июля, незадолго до его захвата врагами, увозил с собой и актеров. Вместе со всем Воронежем они переехали трагедию этих двух дней и ехали, ошеломленные происходящим, и не представляя себе будущего. Семь месяцев назад, отправляясь в первую эвакуацию, никто из них не штурмовал переполненные вагоны, театру был передан железнодорожный состав, который вместит и людей, и декорации, и костюмы, и осветительные приборы, словом, все, что требовалось для продолжения работы. Ничего этого теперь не было. Театр не взял с собой даже килограмма груза. Личные вещи тоже никого не обременяли. Один наспех собранный чемодан — максимум того, чем располагала едва ли не каждая актерская семья.

Решили добраться до Борисоглеба и там начать выступления на сцене местного театра. Но дорогу на Борисоглеб бомбили, и после долгих странствий воронежцы оказались в захолустье Камышине, непокинувшем об известном сорте приволжских арбузов, но отнюдь не о сценическом искусстве. Связавшись с Москвой, тотчас снова оказались в пути. Теперь надлежало отправиться в Башкирию в город Стерлитамак, который в ту пору вообще ни о чем не напоминал.

5 августа, наконец, прибыл на место. Но измученные дорогой и лишениями,

люди скоро поняли, что и это не конечный пункт их путешествия. В городе было театральное здание, однако настолько убогое и непригодно, что на его крохотной сцене вряд ли мог с успехом выступать даже драмкружок. Начали хлопотать о переводе из Стерлитамака. Постепенно обзаводились кое-каким реквизитом. Жили трудно. Осенняя распутица или ранние морозы из-за отсутствия одежды приобрели характер бедствия.

Создали несколько радиокомпозиций. И они были нужны, и тоже приносили некоторое удовлетворение. Но только сцена, требующая ежевечернего самопожертвования и дающая для него силу, только она могла сохранить коллектив, снова вдохнуть в него жизнь, газнувшую день ото дня. Было решено возобновить два спектакля — «Парень из нашего города» и «Луга». В конце октября их показывали зрителям. А в годовщине революции поставили новую пьесу К. Симонова «Русские люди».

Полинский играл Сафья-

овцы». Теперь нужно было продолжить то, что началось «Русскими людьми», впервые заговорившими в воронежском театре голосом героической современности. В апреле сорок третьего года один за другим появились на сцене «Синий платочек» В. Катаева и «Веселый» А. Арбузова и А. Гладкова. А первого июня Копейск, успешный уже полюбить актерам из далекого Воронежа, увидел спектакль, который многим из них принес настоящий успех. Это было легендарное «Нашествие» в постановке П. Л. Монастырского и оформления Н. И. Данилова.

Ирина Демидьевна в исполнении Данилевской сразу притягивала к себе. Это был очень русский, достоверный до мельчайших деталей образ. Старуха — как камнер, тонко чувствующий внутреннюю суть событий и людей. Она не провидец и не резонер, но чутким сердцем простого человека распознает матающую душу и вопрошает ли, всколыхнет брошенной репликой всегда коснется главного, коренного.

В ТЕ ДНИ ВОЕННЫЕ

ва. Рощина — Валю, Зимовский — Глобу, Пальмин — Панина. Подлинность чувства позволяла актерам передать простоту и обаяние своих героев. Их спиче, слова, обращенные не только к разуму, но и к сердцу. «Русские люди» выводили театр «на линию огня». Солдаты и офицеры носили теперь на сцене не романтические одежды далекого прошлого, а ту же армейскую форму, что была и на многих зрителях. И не было нужды домысливать и подражать героям своим делом и своей заботой. Они и в самом деле были сейчас глубоко личными и в то же время общими для всех — выстоять и победить, несмотря ни на какие жертвы, тяготы, невзгоды. Сафонов призывал к стойкости в борьбе. Вля — к смелости и отваге, Глоба — к готовности умереть за Родину. На подмостках были обыкновенные русские люди эпохи Великой Отечественной войны, современники и герои.

...На десятый день после премьеры театр покинул Стерлитамак. Вновь оживили мечты о настоящей, большой работе. Осуществился ли они? Позади остались Уфа, Златоуст... Кто-то заговорил об Ильменском заповеднике, снежные пейзажи которого мелькали за окнами... Наконец, Челябинск. А от него уже рукой подать до Копейска.

Дворец культуры города угольщико-Копейска, был построен с размахом и мог вполне сойти за театральное здание. Он и стал им на полтора года. В отличие от Сызрани и Стерлитамака, в Копейске зажили интенсивной, наполненной жизнью... Пятого декабря — первый спектакль: «Русские люди». Потом показали «Луга», «Парень из нашего города», «Коварство и любовь». Но дню смерти В. И. Ленина восстали шесть картин из спектакля «Человек с ружьем». Затем последовала «Машенька». А 25 февраля «Сорок третьего года» серия вокальных спектаклей пополнилась «Фельдмаршалом Кутузовым», особенно горячо встреченным и зрителями и общественностью города.

Первый этап — воссоздание старого репертуара — закончился премьерой пьесы Островского «Волги и

Слова, сказанные ею, бесхитростны, но глубоко прочувствованы и потому кажутся значительными и важными.

Артист Маркин не оставил и тени сомнения в том, что его герою бесконечно трудно. Федор Таланов хочет уйти в партизаны, но нет веры вчерашнему заключенному. Тогда в одиночку расправляется он с гитлеровским командантом и его подручным, протестуя тем самым против обид и подозрительности. Но суть подвига не только и даже не столько в этом — он приобретает Федора к великому и общему делу народного возмездия. К нему приходит внутреннее освобождение, и оно отлично было передано артистом. Ничего не осталось от ущербности, загнивания. На дороге у немцев — это уже другой человек — сильный, уверенный в себе, без страха готовый принять смерть.

Маркин наполнил роль подлинным драматизмом, под стать герою пьесы Леоннова. Супруги Талановы — Виктор и Марица, Фаюны — Флоринский... Каждый из них тоже был вполне достоин своих литературных «прототипов», а все вместе они создавали психологическую атмосферу ненависти к врагу, неутомимой, жестокой борьбы с ним.

Тысячи километров отделяли Урал от оккупированных территорий. Но люди, сидевшие в зрительном зале, не чувствовали этого. Война была теперь рядом, в их сердце. Она определяла его бытие, его порывы, его жизнь. «Фронт» А. Корнейчука, поставленный через два месяца после «Нашествия», на другом материале, в другой художественной манере, тоже звал к подвигу во имя победы.

Премьера состоялась 30 июля, а уже на следующий день газета «Копейский рабочий» уделила ей почти целую страницу. Обдобрав работу постановщика Энгелькропа и художника Данилова. Восхищаясь игрой актеров. Она и в самом деле была интересной. Генерал Иван Горлов в исполнении Виктора была как раз волевым и смелым. Но настойчиво, хоть и исподволь, актер раскрывал его ограниченность, отсталость, примитивность мышления. С Горловым была связана основная мысль пьесы, и его образ, лишенный одноплановости, многое заставлял передумать и пере-чувствовать.

Безоговорочную симпатию зрителю вызывал генерал Огнев. Полинский постоянно подчеркивал человечность своего героя. Она достигала особого душевного накала в сцене клятвы перед портретом погибшего отца. Вообще выразительных, по-настоящему волнующих эпизодов было немало в этом спектакле. Они как бы служили его внутренними опорами, они определяли его общий эмоциональный тон. Встреча братьев Ивана и Милона Горловых — как раз один из таких эпизодов. Он еще более развенчивал Ивана и помогал лучше увидеть красоту души и значительность Милона, роль которого интересно сыграл А. И. Пальмин. И то, что в спектакле был сделан акцент на раскрытии принципиальности, храбрости, благодарности многих и многих советских военачальников, придавало ему жизнеутверждающий, оптимистический характер. Знаменательны в этом смысле роли, сыгранные Флоринским (Гайдар) и Зимовским (Колос). И в особенности — образ Сергея Горлова, созданный Черновым с неподдельной искренностью и драматизмом. Отлично поставленная сцена схватки артиллеристов, которыми командовал молодой офицер, с немецкими танками, становилась символом мужества и непоколебимости в борьбе.

Воронежский театр военных лет — это не только Сызрань и Стерлитамак, Копейск и Челябинск. И свет рампы не всегда освещал его сцену. Бывало и так, что зрительным залом служила овраг или землянка, а «мучительным сопровождением» — разрывы снарядов или огонь минометов...

Село Анна, лежащее на полдороге между Воронежем и Борисоглебском, на короткое время стало центром области. В нем оказалось и несколько актеров. Позже, вместе с областными организациями, они переехали в Борисоглебск, где вскоре появилась и бригада, руководимая С. И. Паповым. Месяца полтора назад они двинулись в сторону Ельца, в район расположения частей 1-й гвардейской дивизии генерала Русиянова. А когда 6 июля старенький грузовик обложенокомата, на котором ехали артисты, прибилась к Воронежю, то уже километров за двадцать, почти от самого поворота на Рамонь, они увидели пылающий в ночи город.

Теперь их «базой» стал Борисоглебск, но почти все время актерская бригада проводила среди солдат и офицеров действующей армии. В бесчисленных концерах, которые давались на переднем крае, где сценной частью служили кузова двух сдвинутых вместе грузовиков или попросту лесная лужайка, разыгрывали «спектакли», состоявшие из одного или двух эпизодов, читали стихи Симонова и Суркова, очерки Алексея Толстого, Ильи Эренбурга.

И все это было тоже воронежским театром, потому что театр — не здание, а люди, обладающие искусством творить жизнь по законам правды и красоты. А здесь были и Папов, и Русаков, и Карташова, и Юрлов, и Алексея, и Гембицкая, и Шкурский, руководивший другой бригадой актеров. Эта вторая бригада сформировалась по указанию областного комитета уже в Борисоглебске и так же стойко, как первая, несла свою фронтовую вахту.

В ту холодную и трудную зиму слово актера согревало солдатские души и часто его не могла заглушить даже орудийная канонада. Вот насколько строн из отзвука, что был вручен воронежцам после одного из выступлений: «Необходимо отметить, что коллектив артистов работу проводил под сильным артиллерийским обстрелом противника, проявляя спонтанное, смелость и выдержку». И далее: «За день было дано для бойцов, командиров и политработни-

ИЗ ИСТОРИИ ВОРОНЕЖСКОГО ТЕАТРА

ков два сеанса, а третий не состоялся из-за усилившегося огня противника». Театральные будни войны... Они тоже требовали солдатского мужества. Они тоже знали ранения и смерть. И в них тоже частица нашей победы. Более полутора тысяч актерских бригад выступали чуть ли не на всем протяжении огромного фронта. Это была целая армия искусства, насчитывающая 42 тысячи человек. И как всякая армия, она сражалась, хотя оружие театра не было похоже на то, которым владели другие воинские подразделения. Но все они стреляли в одну цель.

Все ближе победа. Один за другим театральные коллективы покидали суровый, хоть и гостеприимный Урал. Настала очередь и воронежского театра. Снова собраны скудные пожитки. И снова дорога. На этот раз желанная и радостная. Дорога, о которой мечтали двадцать два месяца, проведенных вдали от дома. Правда, вела она не прямо в Воронеж. Показам заканчивалось восстановление театра, сделана останков в Борисоглебске. Это была уже своя область. На улицах встречались знакомые лица воронежцев, оказавшихся здесь после памятных июльских дней сорок второго года. По утрам в газетных киосках продавали «Коммуну»... Да и сам город — в цветении садов и зелени бульваров, с четким, словно прочерченным на бумаге пересечением вертикалей и параллелей улиц — напоминал весенний Воронеж.

Приехали в Борисоглебск пятого мая, а третьего июня появились перед зрителями. Сначала показали «Фронт», потом и другие спектакли, поставленные в Копейске и прежде, еще до эвакуации. А пьесу Ф. Кнорре «Встреча в темноте» подготовили и сыграли уже здесь, на местной сцене. Это был настоящий театральный сезон, который вместе с тем походил на генеральную репетицию. Перед возвращением в Воронеж окончательно уточнили репертуар, дорабатывались отобранные спектакли.

К концу ноября здание театра в Воронеже, хоть и не было полностью отреставрировано, могло уже принять артистов. Разумеется, они не заставляли себя ждать... Пятого декабря у малютского станционного здания, похожего на барак, остановился поезд. Большая группа людей, вышедших из одного вагона, с волнением смотрела на площадь и обрамляющие ее руины, будто угадывала знакомые черты на изменившемся до неузнаваемости лице. Радость и горе селились в душе рядом. Они не разлучались и потом, в течение многих дней, пока хоть немного не приглушилась острота переживаний при виде пустых оконных глазниц в разрушенных или выгоревших домах, одиноко торчащих балок, обезлюдевших кварталов.

Город продолжал жить. Он восстанавливал свой театр, хотя имел сотни куда более неотложных дел. Ему хотелось как-то приблизиться к тому, что было, и к тому, что обязательно должно быть снова. Малолетний, начисто лишенный пригодного жилья и почти всего, что составляет элементарные условия человеческого существования, Воронеж отстранял театральное здание, казавшееся тогда роскошным.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как актеры сошли с поезда, доставившего их из Борисоглеба, но они уже остро чувствовали, что связывают воронежцы с возрождением театра. И началась работа — не за страх, а за совесть. Жили тут же. О квартирах не могло быть и речи — на месте Дома актеров (бывшая гостиница «Гранд-отель»), дававшего перед войной уют многим из них, остались одни пепелища.

Открытие театра было назначено на 31 декабря. День этот приближался с неверо-

ятной быстротой. Большие и малые дела непрерывным потоком следовали одно за другим. Репетировали, приносили в порядок небогатое театральное имущество, снова репетировали, помогали строителям, которые, казалось, ни за что не поспеют к сроку. С удивлением фиксировали еще одну промчавшуюся неделю и тревожно подсчитывали оставшиеся листки в календаре...

...Наступил долгожданный вечер, и почти забытое чувство радостного волнения, которое испытывают одни только театралы в предвкушении нового спектакля, вспыхивает с удесятенной силой. Воронежцы не переступали этот порог два с половиной года, вобравших в себя горький опыт целых десятилетий. И теперь они спешат в театр, но совсем еще веря в то, что это стало возможным.

Звонки, и толпа, как обычно, оклевещенная, но не по общему торжественная, двинулась в зал. В 6 часов 45 минут. Все заняли свои места. Яркие лучи света падают на сцену. Начинается официальная церемония открытия театра. Звучат речи. В каждом слове — дыхание войны, ее потери, ее надежды. Под гром аплодисментов разрезана широкая красная лента, и тотчас раздвигается занавес — вечный символ искусства, находящегося в строю. Еще один легкий занавес. Это как бы титульный лист великой комедии Грибоедова «Горе от ума», которая будет сейчас разыграна. Но что это мелькает на белом полотне со старомодными письменами? Бабочка? В новогоднюю ночь? Именно так. Чудо занесло ее сюда будто нарочно для того, чтобы напомнить о возвращившейся в эти стены жизни.

Чудом казался этот спектакль. Все пережитое за эти годы, всколыхнувшееся встречей с театром, стало отступать все дальше и дальше. Люди с готовностью подчинялись власти сцены, и она овладела их вниманием, чувством, мыслью. Чацкий — Полинский... Хрестоматийные реплики и монологии согреты теплом и расцветены красками жизни. В нем есть молодость и обаяние, и недрогательная сила. Он впечатлителен, и его реакция мгновенны. Потому что Чацкий у Полинского так естественно переходит от легкой насмешки к язвительному сарказму, от любовного объяснения и страстного протеста оскорбленного чувства. Мучительные размышления тонкого ума, столкновения с уродством окружающей жизни рождали обличительные тирады, в которых не было, однако, и тени резонерства.

Изголодавшись по искусству, зрители оказываются необычайно восприимчивыми к происходящему на сцене и испытывают огромную радость от того, что им открыты движения человеческих душ, истоки поступков и решений. Однако Софья заставила над многим задуматься. Л. С. Шмидт играет эту роль неожиданно и интересно. Ее героиня оказывается значительной и глубокой, едва ли не под стать Чацкому. Правомерна ли такая трактовка? Вероятно. Она не противоречит замыслу пьесы, даже обогащает его сценическую жизнь новыми нюансами.

Характер героев, декорации и костюмы напоминают о великой поре русской культуры, давшей Пушкина и Грибоедова и немало других, чьи имена навсегда вошли в духовную сокровищницу народа. Со сцены смотрят знакомые лица — тут и Флоринский, и Рощина, и Зимовский, и Данилевская, и Эрина, и Маркин, и Шатов, и Маруца, и Григорьев, и Мачехина, и Аристов, и Владимирская... Большие и малые актеры, все они составляют воронежский театр. И люди, наполнявшие зрительный зал, вбирают в себя атмосферу его искусства, преданность которому они пронесли сквозь эти трудные годы.

З. АНЧИПЛОВСКИЙ.